

Отмечая 100-летие со дня рождения Гусейна Джавида

СЛУЖИТЬ РОДИНЕ, СЛУЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ

— В ЭТОМ ВИДЕЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА И ГРАЖДАНИНА

Гусейн Джавид — одно из ярчайших имен в летописи азербайджанской культуры. Продолжатель лучших традиций мировой литературы, восходящих к Гете и Байрону, Фирдоуси и Хайям, Гусейн Джавид пылливо всматривался в свое время, пытаясь раскрыть истинную красоту человеческого духа и человека нового общества. Гусейн Джавид был одним из зачинателей советской поэзии Азербайджана, он был словно живым связующим звеном между веком новым и старым.

«Птица моей души...» — сказал о себе Джавид. Голос этой сложной, тонкой, переменчивой и верной себе в главном души художника ясно доходит до каждого, кто обращается к его книгам, к страницам, пронизанным и высоким романтическим пафосом, и точными реалистическими наблюдениями, отмеченными высокой всесторонней культурой, подлинным

патриотизмом и интернационализмом. Глубоко любящий Азербайджан и свой народ, Джавид с большим уважением относился к духовному наследию народов Закавказья и Кавказа, великой русской культуре, русскому языку. Поражает диапазон творчества этого художника: лирическая и философская поэзия, трагедии «Шейх Санан» и «Иблис», поэма «Азер»... Без достижений творчества Джавида трудно представить себе творческие высоты Дж. Джабарлы, Вургуня и других основоположников советской азербайджанской поэзии, их продолжателей и преемников.

Служить Родине, служить Человеку — в этом видел Гусейн Джавид свое призвание художника и гражданина, мыслителя и поэта, жизнь которого навсегда вошла в духовную летопись народа.

Конец XIX и начало XX века в Азербайджане ознаменовались появлением таких блистательных имен, как М. А. Сабир, Дж. Мамедкулизаде, А. Гамгусар. В этом созвездии не менее ярко сияет имя Гусейна Джавида, выдающегося лирического поэта-романтика, автора знаменитых философских драм «Шейх Санан», «Сатана», «Хайям», «Сеявш», «Топал Теймур» («Хромой Теймур»), поэмы «Азер». Художник огромного дарования, глубокого интеллекта и эрудиции, один из высокообразованных людей своего времени. Джавид отразил в своем творчестве огромный мир, преломившийся в его живом, ярком воображении.

Его творения — широкие полотна, рисующие жизнь различных народов мира, разных эпох и стран. Глазам читателя предстают аравийские пустыни и снежные горы Кавказа («Шейх Санан»), Ирак и средневековая Персия («Сатана», «Сеявш»), Самарканд времен Тимурленга («Хромой Теймур») и Грузия 20-х годов XX века («Князь»), Иран времен Омара Хайяма («Хайям») и Германия 20-х годов XX в. («Азер»).

Самый яркий представитель азербайджанского романтизма, вступивший на литературную стезю в сложную переходную пору, на рубеже двух эпох, когда рушился старый мир и рождался новый, Джавид был образцом бескомпромиссного рыцарского служения Поэзии, высоко пронесший через всю свою жизнь и творчество знамя гуманизма, свободы, истины и красоты.

В 1909 г. в письме своему учителю Г. Шарифову Джавид так изложил свое литературное кредо: «Я люблю служить... Простать же себя и стать рабом не хочу. И если есть то, ради чего я стал бы рабом, то это Истина и Красота. Сковать же себя цепями рабства и нести это позорное бремя не согласен».

В 1910 году, вернувшись в Нахичевань из Стамбула, где он проучился четыре года на филологическом факультете Стамбульского университета и сблизился с прогрессивными турецкими поэтами, Джавид пишет свою первую драму в стихах «Мать». Сюжет этой драмы автор берет из дагестанской жизни, действие также происходит в Дагестане.

Романтик - Джавид не случайно обращается к кавказской теме. «Синие горы Кавказа», его сказочная природа, прекрасные свободолобивые горцы, по выражению Бестужева-Марлинского, «сражающиеся и умирающие, как спартанцы», были источником вдохновения Пушкина, Лермонтова, Толстого, создавших многие шедевры русской литературы.

В жестокие годы столыпинской реакции, царившей в России, поэт почувствовал насущную необходимость обратиться к героической теме, к героическим идеалам. «В своей первой драме Джавид показал себя обладателем широких творческих возможностей, он блестяще продемонстрировал способность создавать напряженные драматические конфликты и характеры», — пишет академик Мамед Джафар.

Джавид ставит вопрос эстетического и нравственного идеала, проблему героя и героического в жизни. Философско-эстетическая концепция, выдвинутая в этой пьесе, а затем продолженная в трагедии «Шейх Санан», заключается в том, что самая сильная из естественных страстей, рожденных в борьбе за лучшую жизнь, — героизм. Общество нуждается в героях и должно подняться до уровня героев. Героический идеал Джавида воплощен в центральном образе, образе матери — Сальмы, горячо любящей своего сына, гордой и волевой женщины. Доброе и светлое начало в ее душе, долг гостеприимной хозяйки, по горскому обычаю, принявшей путника, который оказывается убийцей ее сына,

ПОЭТ - ПАТРИОТ, ПОЭТ - ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

не позволяет ей отдалиться чувством мести, она великодушно отпускает его. С большой теплотой и симпатией автор рисует образ черкешенки Исмет, воплощающей в себе идеал верности долгу, слову, благородству и гуманизму. Эстетический и нравственный идеал автора выражает также образ Ганполада, чьи благородство, сила духа, милосердие к врагу приводят к нравственному поражению его убийцы. Прощение врага в предсмертный час, подавление злого начала своих страстей — признак мужества и чести. Общую идею и пафос произведения составляют героизм и мужество, побеждающие предательство и подлость, победа справедливости и высоких идеалов над низменными инстинктами и эгоизмом.

Если пьеса «Мать» была первым пробным камнем в драматургии Г. Джавида, то написанная в прозе в 1912 году трагедия «Марал» обнаруживает уже возросшее мастерство Джавида - драматурга. Автор заостряет свое внимание на актуальной проблеме — положении женщины-мусульманки в дореволюционном Азербайджане, страдающей от двойного гнета — семейного и социального. Героиня пьесы бедная шестнадцатилетняя Марал, насильно выданная замуж за немолодого помещика Турхин бека, в конце пьесы падает замертво, сраженная его же пулей. Среди положительных героев трагедии мы снова видим дагестанца — это инженер Бекполад, его жена Салтанет и их дочь Хумай — простые чистосердечные люди, к которым сам автор относится с нескрываемой симпатией. Один из героев пьесы говорит: «Можете ли вы на нашем Кавказе найти еще такой доблестный, храбрый и гостеприимный народ, так дорожающий своей честью?».

Прекрасный психолог и знаток кавказской действительности и характера, Джавид точно рисует черты истинного горца, его сдержанность, мужественность.

Драмы «Шейх Санан» и «Князь» связаны с Грузией. Джавид не оказался исклю-

чением среди поэтов, очарованных Грузией, радостным краем, воспетым еще Хагани, Вагифом, Мирзой Шафи Вазахом. Сама жизнь связала Джавида с Грузией и Тифлисом, центром культурной и литературной жизни Закавказья той поры. С 1910 года и до конца 1912 года он живет в Тифлисе и работает над трагедией «Шейх Санан», пишет лирическую пьесу «Одно воспоминание», стихотворения.

Профессор Р. Тахмасиб в своих воспоминаниях пишет о том, как в связи с работой над «Шейх Сананом» Джавид часто ходил в монастырь и разговаривал со стариками об этой легенде. В 1913 году он снова

едет в Тифлис и устраивается преподавателем фарсидского языка в школе, где когда-то преподавали Мирза Шафи, М. Ф. Ахундов и Х. Абовян.

В год начала первой мировой войны, Джавид пишет романтическую философскую драму «Шейх Санан», полную жизнеутверждающей силы, славящей человека, его ум и сердце. В своей драме Джавид ставит такие проблемы, как проблемы истины и героизма. Это гимн вечной Любви, побеждающей все — религиозные верования, вековые законы, незыблемые традиции и даже смерть.

В Аравии, а начале в Медине, а затем в Мекке тридцатилетнего мюррида шейха Санана посещает «райское видение», «нежный ангел», зовущий его возвыситься над землей. «В глазах твоих свет Истины читаю. Земля эта недостойна тебя...», — обращается к нему девушка. Во втором действии, композиционно четко построенная драма из абстрактного полуреального мира аравийских пустынь переносит нас в реальный мир Кавказа. «Райская пери», являвшаяся в мечтах отшельнику Санану, появляется наяву в виде прелестной девушки, дочери грузинского князя Платона Хумар, собирающейся постричься в монахини. Тут вновь Джавид блестяще демонстрирует особенность своего романтизма, в котором реальное начало тесно переплетается с романтическим. Драма написана великолепными стихами. Описание Кавказа, впервые увиденного шейхом Сананом, долгие годы включалось в учебники хрестоматии.

Кавказ, этот «волшебный край», и красота грузинки изменили арабского шейха, всемирным полюбившего христианку и порвавшего с прежними убеждениями. Не в силах победить злые силы, преследуемые князем Платоном и священниками влюбленные предпочитают вместе ринуться в пучину и погибнуть. Стоя на высокой горе, над рекущим внизу потоком, шейх обращается к Хумар со словами: «Полетим, полетим навстречу Истине». Глубокое философское содержание этой трагедии, ее гуманизм, поэти-

чность, музыка и красота стиха синискали ей славу не только в Азербайджане, но и далеко за его пределами.

Драма эта наряду с такими произведениями, как «Сатана», «Топал Теймур», «Марал», «Шейда» и другие с огромным успехом шла при переполненных театральных залах городов Тифлиса, Еревана, Ташкента, Самарканда, Тебриза и Тегерана.

Классик армянской литературы, большой друг Джавида, А. Ширванзаде, писал ему в 1929 году: «Я два раза смотрел твою пьесу «Шейх Санан», Аббас Мирза великолепно исполнил роль Шейха Санана. Я хотел бы, чтобы ты написал в стихотворной форме произведение о дружбе кавказских народов — грузин, армян и азербайджанцев».

Высоко оценивая трагедию «Шейх Санан», академик Г. И. Ломидзе пишет: «Романтическая, насыщенная философским и нравственным содержанием трагедия «Шейх Санан» не укладывается в прокрустово ложе схоластических законоположений... Трагедия Г. Джавида захватывает силой мысли, драматической борьбой характеров, поэтичностью формы».

Тридцатые годы были самыми плодотворными в творчестве Джавида: он написал «Князь», «Струнный сез», «Сеявш», «Шахпаш», «Месть Иблиса», «Хайям». Эти произведения Джавида наглядно показывают происшедший переворот в отношении Джавида к современности и истории, сильнее звучит социально-политическая тематика, взгляд драматурга заостряется на классовых противоречиях.

Джавид создает реалистическую драму «Князь», в которой он описывает события, происходившие в Грузии в 1917—1921 годах, борьбу братского грузинского народа за Советскую власть. В центре драмы — образ 40-летнего грузинского аристократа — Князя и трагедия этой личности, гибнущей, сопротивляясь силам революции.

В пьесе — живые типичные грузинские характеры: Князь, его дядя, добродушный старик 60 лет, одевающийся по французской моде, Марго — простая, сердечная женщина, беззаветно любящая своего сына Антона. Драматург блестяще создает реалистическую картину старого Тифлиса, неповторимую прелесть этого романтического города.

Кроме трагедии личности, неспособной идти в ногу со временем, в драме ставится проблема трагедии людей, потеревших родину и живущих в эмиграции. Спасаясь от революции, Князь со своей семьей бежит в Германию. Джавид рисует полную унижений жизнь эмигрантов в Берлине. Немало таких людей видел сам Джавид в Берлине во время своей заграничной командировки в 1926 году.

Поэт-патриот, поэт-интернационалист, очень остро ставит проблему личности и Отечества. Человек, теряющий Родину, теряет свое «я», — утверждает Джавид. Проблемы, поставленные и разрешаемые им, имеют не только идейную, эстетическую, но и морально-нравственную значимость, они глубоко актуальны и сегодня, когда мы отмечаем юбилей выдающегося драматурга. И на память приходят слова замечательного армянского поэта Египше Чаренца: «Джавид — глубокий и безбрежный океан мысли».

Сара ГУСЕЙНОВА,
научный сотрудник Музея им. Низами.